

ПРИЗНАКИ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ОБЩИННОЙ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Признаки дезорганизации общинной и семейной жизни в сибирской деревне конца XIX — начала XX в. / В. А. Зверев // *Община и семья в сибирской деревне XVIII — начала XX в. : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е. И. Соловьева.* — Новосибирск : НГПИ, 1989. — С. 62–79.

Образ жизни крестьянства в целом, больших и малых социальных групп в его составе, в том числе сельского общества и крестьянской семьи, при капитализме весьма сложен и противоречив в своей сущности и конкретных проявлениях. В исследованиях собственно историков и этнографов раскрывается позитивный вклад крестьянских обществ в хозяйственное освоение восточных окраин России при капитализме, организацию в ряде случаев экономических и политических выступлений, формирование и трансляцию ценных традиций этического характера и т. д.¹ Находят отражение роль семьи как хозяйственной ячейки общества, ее функционирование в качестве важнейшего механизма социализации подрастающих поколений крестьянства². Стремясь к объективности, советские ученые стараются избежать односторонней идеализации общинной и семейной жизни в деревне дооктябрьской эпохи. Однако до сих пор не появились работы, в которых специально комплексному рассмотрению подверглись бы негативные аспекты образа жизни крестьянства, связанные, в частности, с разрушением или ослаблением ряда традиционных общественных институтов при капитализме. Между тем, методологические и многочисленные конкретно-исторические источники создают для таких исследований необходимые предпосылки. Настоящая статья

¹ См.: *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988; *Горьковская З. П.* Роль трудовых сообществ в формировании традиций промысловой деятельности русских крестьян Сибири в период капитализма // *Земледельческое освоение Сибири в конце XVII — начале XX в.* Новосибирск, 1985. С. 150—169; *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; *Прудникова Т. П.* Влияние идей уравнительности на общинные порядки пореформенной западносибирской деревни (60—90-е гг. XIX в.) // *Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX в.* Новосибирск, 1977. С. 199—228; и др.

² См.: *Лебедева А. А.* К истории формирования русского населения Забайкалья и его хозяйственно-го и семейного быта (XIX — начало XX в.) // *Этнография русского населения Сибири и Средней Азии.* М., 1969. С. 104—188; *она же.* Семья и семейный быт русских Забайкалья // *Быт и искусство русского населения Восточной Сибири.* Новосибирск, 1975. Ч. 2. С. 81—101; *Сабурова Л. М.* Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX — XX в.). Л., 1967; *она же.* Русское население Приангарья // *Быт и искусство русского населения Восточной Сибири.* Новосибирск, 1971. Ч. 1. С. 28—77; *Зверев В. А.* Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма (проблемы физического и социального возобновления). Новосибирск, 1988; *Крестьянство Сибири в эпоху капитализма.* Новосибирск, 1983. С. 317—327; и др.

призвана дать постановку проблемы, а также охарактеризовать важнейшие признаки ослабления семейных связей в русской сибирской деревне конца XIX — начала XX в. и проявления дезорганизации тех сторон жизни сельских обществ, которые теснее всего были связаны с функционированием семейных ячеек.

В основу работы мы положили фундаментальное положение о «дезорганизации старого социального уклада» в условиях развития капитализма, сформулированное К. Марксом и Ф. Энгельсом и раскрытое ими главным образом на английском материале³. Обратившись к анализу, в частности, семейных отношений, классики марксизма показали, что при капитализме факторы сохранения и прогрессивной реорганизации семьи не могут предотвратить перерастания многочисленных семейных конфликтов в постоянную напряженность, приводящую к фактическому распаду многих семей, пьянству, хроническим внебрачным связям, преступности подростков и т. п.⁴ В. И. Ленин также отмечал, что разложение патриархальной семьи капитализмом приобретает «ужасные, бедственные и отвратительные формы»⁵. Понятие о дезорганизации более широкой системы отношений внутри сельского общества связывается нами с ленинской характеристикой крестьянской общины в России эпохи капитализма как института пережиточного, разрушающегося в процессе «раскрестьянивания», но длительное время искусственно консервируемого властями⁶.

В одной из работ мы рассматривали факторы, обусловившие прогрессивное изменение отношений в крестьянских семьях Сибири конца XIX — начала XX в.⁷ Такие проявления капитализма в деревне, как рост применения машин, обобществление производства, усиление найма батраков объективно способствовали облегчению труда членов семьи, в том числе детей и женщин, перестройке хозяйственных обязанностей и отношений по поводу их исполнения в семье и обществе. Развитие товарно-денежных отношений, растущее отходничество, усилившееся в результате роста переселений смешение разнородного по социальному и этническому составу населения, призывы в армию мужчин, вообще усложнение системы общественных отношений и общения разрушали замкнутость деревенского мирка, расширяли кругозор крестьян, позволяли критически осмыслить ставшие привычными формы семейной и общинной жизни.

Так подрывалась власть отживших свой век обычаев; женщины и подростки, нуклеарные

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 484; Т. 4. С. 433.

⁴ Там же. Т. 2. С. 360—377; и др.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 74.

⁶ Там же. Т. 3. С. 164—165; Т. 4. С. 55—59, 227; Т. 16. С. 218; Т. 17. С. 65, 89—90, 127; и др.

⁷ См.: Зверев В. А. Внутрисемейные отношения у русских крестьян Сибири конца XIX — начала XX в. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1981. С. 82—108.

семьи внутри крупных неразделенных семей, отдельные семьи внутри сельских обществ стремились к самостоятельности. Экономической основой этого процесса было утверждение частнособственнических, основанных на личной выгоде порядков в деревенской среде. Разрушая общину, процесс «раскрестьянивания» одновременно приближал семьи сельской буржуазии, с одной стороны, сельского пролетариата, с другой, по их характеристикам к семьям основных классов капиталистического города. При этом прогрессивная перестройка семьи наметилась лавным образом в среде сельского пролетариата, «освобожденного» развитием капитализма от частной собственности, а значит, и от произвола домохозяина-собственника, от раздоров, связанных дележом имущества, наследованием его и т. д. Но наметившийся процесс прогрессивной реорганизации семьи не мог зайти достаточно далеко. Частнособственнические порядки в обществе и семье, рыночный, товарно-денежный характер семейного хозяйства формировали эгоистические и индивидуалистические настроения членов семьи. В микроячейке эксплуататорского общества крепла система эксплуатации членов семьи ее главой, что подрывало саму основу семьи как общественной ячейки — супружеские связи, связи родителей и детей, подразумевающие необходимую меру любви, сочувствия, единомыслия.

Приведем лишь некоторые примеры противоречивого воздействия ряда факторов, непосредственно связанных с развитием капитализма в Сибири, на внутрисемейную жизнь крестьян. Известно, что при империализме в Сибири довольно широко распространилось отходничество крестьян, преимущественно мужчин, в города, на прииски, угольные копи, рыболовные «пески», строительство железной дороги и т. д.⁸ Прогрессивное влияние отходничества на крестьянскую семью отмечалось В. И. Лениным⁹. В хозяйстве, оставшемся без «большой головы» — мужчины, усиливались роль и авторитет женщин, возвращавшиеся отходники нередко несли с собой в деревню прогрессивные элементы городской культуры, новый взгляд на общественные и семейные отношения. Но в то же время долговременный отход мужчин и женщин приводил иногда к полному отчуждению их от сельского сообщества и семьи, результатом чего являлось распадение последней. Связь отходничества с семейной дезорганизацией в начале XX в. на Алтае зафиксировала любопытная поговорка: «Он поехал — то ли добыть, то ли дома не быть»¹⁰.

Проводником ряда социально-экономических факторов, весьма неоднозначно влиявших на крестьянскую общину и семью, была политика царской администрации. Долгое время

⁸ См.: Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 234—235.

⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 578.

¹⁰ Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы // Записки Семипалатинского подотдела ЗСОРГО. Семипалатинск, 1911. Вып. 5. С. 84.

законодательство слабо регулировало имущественные отношения в крестьянской семье. Они складывались в основном на базе традиции, обычного права. Н. А. Миненко установила, что в XVIII — первой половине XIX в. в Западной Сибири имущество крестьянского двора признавалось общим достоянием всей семьи, а ее глава имел «лишь право ограниченного распоряжения общесемейной собственностью или ее частью»¹¹. В период капитализма господствующим становился принцип собственности главы семьи на основную часть семейного имущества, и царская администрация способствовала становлению этого принципа, взяв после революции 1905—1907 гг. курс на разрушение общины и насаждение в деревне частной собственности отдельных домохозяев на землю — основное средство производства. Следует оговориться, что по этому вопросу, как и по другим вопросам буржуазных преобразований, политика правительства была непоследовательной и противоречивой.

Сильным было стремление сохранить в законодательном порядке свойственное политике аграрного цезаризма «семейное начало собственности», принять новые «меры к предупреждению распада крестьянских семейств»¹². Но в начале XX в., в ходе становления политики аграрного бонапартизма, стала преобладать другая тенденция: «нормировать имущественные отношения крестьян ... началами личной собственности»¹³, заменить личную зависимость членов семьи от домохозяина их имущественной, экономической зависимостью. В Сибири эта тенденция нашла яркое выражение в «новом курсе» царского правительства, проводившемся с 1911 г., согласно которому именно домохозяин «должен почитаться единоличным владельцем доставшихся ему (после разверстания земельных угодий общины. — В. 3.) участков на правах постоянного наследственного пользования»¹⁴.

Администрация стремилась регулировать семейные отношения крестьян и путем прямого юридического вмешательства. Долгое время правительство законодательно сохраняло личную зависимость жен и несовершеннолетних членов семьи от домохозяина, допускаемую, по признанию С. Ю. Витте, «только самым первобытным гражданским строем»¹⁵.

По закону 18 марта 1886 г. раздел крестьянского хозяйства был обусловлен согласием на него домохозяина. Раздел должно было санкционировать и сельское общество, которое могло решать вопрос без согласия домохозяина только в том случае, если он «дал к этому

¹¹ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 159—160.

¹² ЦГИА СССР, ф. 1212, оп. 1, д. 1, прил. 1, л. 59—60.

¹³ Там же.

¹⁴ Правила о внутринадельном разверстании в старожильческих селениях и заполненных переселенческих участках // Вопросы колонизации. 1911. № 9. С. 359.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1212, оп. 1, д. 1, прил. 1, л. 48.

повод своей расточительностью или безнравственным поведением»¹⁶. Выход неотделенного, хотя бы и совершеннолетнего, крестьянина из одного общества и приписка к другому положениями 3 июня 1894 г. и 2 июня 1897 г. были обусловлены, в частности, согласием на увольнение, испрошенным у главы хозяйства. По требованию последнего у отлучившегося на сторону члена двора паспортная книжка в любой момент отбиралась, и он подвергался принудительному возвращению. «Отчий дом сын оставить самовольно не может, а иначе подвергается наказанию по суду...», — констатировали авторы описаний крестьянского быта в Сибири¹⁷. Таким образом, закон открывал возможности для произвола домохозяев, который, в свою очередь, вызывал протест и был причиной массы жалоб. Эти жалобы, по словам исследователя В. И. Анучина, «не говоря уже о крестьянских начальниках, восходят до ... губернатора и во многих случаях оказываются вполне справедливыми»¹⁸.

Такие порядки особенно тяжело сказывались на положении женщин, не желавших по той или иной причине жить вместе с мужем, свекром, или брошенных мужем. Дважды по требованию мужа возвращал к нему жену, крестьянку д. Баитовой Шмаковской волости Курганского уезда Тобольской губернии Агапию Баитову волостной суд, приговорив ее во второй раз «к аресту на трое суток, и вымыть полы в конторе и бане»¹⁹. Приговор этот был самым рядовым. Крестьянка с. Симановского Большеулуйской волости Ачинского уезда Енисейской губернии Меланья Потапова была вынуждена платить своему мужу, «под угрозой насильного возвращения к совместному с ним жительству», ежегодный «налог» в сумме 8 руб.²⁰ Как и в большинстве других случаев, власти отказали в отдельном виде на жительство крестьянке с. Верх-Ануйского одноименной волости Бийского уезда Томской губернии Александре Бочкаревой под тем предлогом, что она не сумела доказать, что муж с ней жестоко обращался²¹.

В ходе развития капитализма в семье, как и в обществе в целом, развивалось буржуазное экономическое начало, отрицающее внеэкономическое принуждение эпохи феодализма, основанное на личной зависимости. Вследствие этого, а также под давлением общественного мнения правительство в рамках Столыпинской аграрной реформы приступило к отмене «принудительных мер, удерживающих крестьян в общем хозяйстве ... и тех определений действующего права, которые ставят совершеннолетних крестьян в условия чисто личной зависимости не только от родителей, но и от домохозяина, хотя бы он был дальним родст-

¹⁶ Леонтьев А. А. Крестьянское право. 2-е изд. СПб., 1914. С. 319.

¹⁷ АГО, разр. 57, оп. 1, д. 19, л. 19.

¹⁸ Анучин В. И. Современное положение сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ. // Сибирский наблюдатель. 1904. Кн. 2. С. 26—27.

¹⁹ ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 28, д. 1427, л. 1—2.

²⁰ ГАКК, ф. 595, оп. 31, д. 1709, л. 26, 60.

²¹ Там же, ф. 184, оп. 1, д. 109, л. 65.

венником»²².

Выход совершеннолетних крестьян из общества и временные отлучки по паспортам были поставлены вне зависимости от согласия не только мира и сельских властей, но и домохозяина и родителей. 12 марта 1914 г. был издан закон, по которому замужние женщины имели право «получать отдельные виды на жительство, не испрашивая на то согласия своих мужей»²³. Одновременно властями принимались меры, призванные установить частную собственность домохозяина (главы семьи) на наделную землю. Ожидаемые последствия этих мер отражают слова их яркого поборника министра финансов С. Ю. Витте: «... при общегражданском праве, основанном на начале личном (т. е. после разрушения общины и оформления частной собственности домохозяина на землю и «семейное» имущество. — В. 3.), дети будут в полной имущественной зависимости от отца, чем весьма сильно скрепляется союз родителей и детей и устраняется необходимость личной зависимости несовершеннолетних...»²⁴.

На практике указанные мероприятия не были последовательными, особенно в местах с сохранявшимся общинным землевладением, и только усугубили ту колоссальную путаницу правовых отношений, которая была характерна для русской деревни конца XIX — начала XX в., в том числе в Сибири. На местах сохранилась возможность различных злоупотреблений.

На семейные отношения сибирских крестьян влиял такой специфический аспект политики правительства, как ссылка. Констатируя этот факт, гражданские и церковные власти выражали особое беспокойство по поводу влияния политических ссыльных, воспитывавших новое мировоззрение у крестьян, в частности, новые взгляды на общественную и семейную жизнь²⁵. Если «политические», как правило, позитивно влияли на образ жизни крестьянства, то уголовная ссылка оказывала разлагающее воздействие. Часть ссыльных не имела по закону права вступать в брак до истечения известного срока, у других не было для этого средств или желания связывать себя семьей. В конце XIX в. не состояло в браке (законном или гражданском) в различных округах Иркутской губернии 42,3—57,2 % наличных ссыльных мужского пола; в округах Енисейской губернии соответствующие показатели колебались от 37,0 до 53,5 %²⁶. Ссыльные же, не находившиеся в местах приписки, вообще редко

²² ЦГИА СССР, ф. 1212, оп. 1, д. 1, т. 1, л. 200.

²³ Там же, ф. 797, оп. 84, II отд., 3 ст., д. 264, л. 1.

²⁴ Там же, ф. 1212, оп. 1, д. 1, прил. 1, л. 48.

²⁵ Там же, ф. 796, оп. 442, д. 2028, л. 12; д. 2090, л. 25; д. 2389, л. 7—8; д. 2423, л. 17—18, 27; д. 2580, л. 12; и др.

²⁶ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. М.; Иркутск, 1889—1894. Т. 2. Вып. 2. С. 302; Т. 2. Вып. 6. С. 51; Т. 4. Вып. 2. С. 102.

имели семьи. Бессемейность большинства ссыльных, их «кочевой» образ жизни были факторами, способствовавшими ослаблению семейных связей в ряде районов Сибири²⁷. Впрочем, значение этих факторов не следует преувеличивать — даже в Восточной Сибири, где ссыльных было больше всего, они составляли в конце XIX в. лишь около 2,5 % сельского населения²⁸.

Всеобщая воинская повинность, участие империалистической России в войнах также сказывались на общинных и семейных отношениях крестьян. В начале XX в. деревня пережила несколько мобилизаций запасников и ратников ополчения. Возвращающиеся со службы солдаты несли домой новые понятия об обществе, семье и браке, они «не уживаются со старыми порядками в деревне и не желают быть в подчинении у своих старших братьев-мужиков»²⁹. В то же время призывы в армию большого количества мужчин при отсутствии пособия для семьи или мизерном его размере подрывали семейное хозяйство, все чаще приводили к распаду семей, смерти малолетних детей.

В изучаемый период заметной оставалась роль общины в регулировании семейных отношений крестьян. Она была различной в разных районах и категориях крестьянства. В глухих, слабо втянутых в социально-экономическое развитие районах Сибири значение общины было очень велико. Так, на притоке р. Ангары Чуне даже в начале XX в. сельский сход «являлся высшим законодательным органом в деревнях... Общим советом, на котором всегда участвовали и женщины, решались ... все дела, вплоть до таких мелочей, как суд над ... мальчишками, стащившими у хозяйки с огорода несколько огурцов»³⁰. В старообрядческих общинах Алтая для выяснения сложных семейных вопросов собирались даже соборы, «постановления которых для истого старообрядца стоят гораздо выше всяких гражданских законов»³¹.

В более развитых в социально-экономическом и культурном отношении районах Сибири в изучаемый период роль общины в регулировании семейной жизни сильно ослабла. Правда, время от времени сельские сходы ставили на обсуждение вопросы о разделе семей, об усыновлении, установлении и проверке опеки, призрении одиноких стариков и т. п. Сельские старосты вместе с десятскими и сотскими производили следствия, проверяя жалобы мужей

²⁷ См.: Материалы по исследованию... Т. 2. Вып. 2. С. 253, 259—261; *Латкин Н. В.* Красноярский округ Енисейской губ. СПб., 1890. С. 45; Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1907. Т. 16. С. 226; и др.

²⁸ См.: *Соловьева Е. И.* Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 226.

²⁹ *Загоскин М. В.* Ответы на программу ИРГО для собирания народных юридических обычаев. Иркутск, 1891. С. 2.

³⁰ *Воробьев Н. И.* Материалы по быту русского старожильского населения Восточной Сибири // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1926. Т. 33. Вып. 2/3. С. 108.

или жен на предмет измены супруга, на притеснения в семье, выдавая просителям соответствующие «удостоверения»³². Волостные и сельские органы по представлению духовных консистории принимали меры к примирению супругов, подавших заявления о разводе³³. Волостные суды рассматривали дела об имущественных спорах внутри семьи и между дворами односельчан, об оскорблении личности и др.

Однако все эти действия предпринимались большей частью формально, по требованию властей, и основная масса семейных конфликтов, разделов, фактических разводов и других крупных и мелких семейных событий проходила хотя и на глазах у соседей, но без формального вмешательства общины. По делам о разделах, например, сход собирался только тогда, когда делящиеся члены семьи не могли прийти к «полюбовному» согласию о размерах выдела. Деревенская опека находилась в жалком состоянии. Так, в Тобольской губернии в конце XIX в., по признанию властей, «деятельность деревенской опеки заключается обыкновенно в распродаже всей движимости умершего, отдаче земли его в аренду и в помещении сирот — кого к родичам, кого в чужие люди для услужения. Все это ... зависит от того, что большинство опекунов ... смотрит на свои обязанности как на бремя, отрывающее их от своих дел»³⁴.

Внебрачные связи общественным мнением осуждались, но действенных мер против них общины по своей инициативе не предпринимали³⁵. К чести крестьянских обществ следует указать, что не подвергались преследованиям и нередкие в сибирской деревне гражданские (не санкционированные церковью) браки-«сожителства», узы которых были часто «не менее прочны, чем узы законного брака»³⁶.

Источники показывают, что слабое, сравнительно с предшествующими периодами, вмешательство общины в семейную жизнь сибирского крестьянства конца XIX — начала XX в. во многом объясняется дезорганизацией деятельности самой общины. Известный общественный деятель, писатель и исследователь крестьянского быта М. В. Загоскин, долгое время живший в с. Грановском под Иркутском, так характеризовал это явление применительно к Восточной Сибири: «В большинстве сельских обществ делами заправляют 5—6 мироедо-в-пьяниц. Всякого, не согласного с их решением, они съедят, отнимут подчас пашню, выберут не в срок в мелкую службу и т. д. Поэтому хозяйственные мужики вовсе не ходят на сходы, и хотя и “судачат” на непорядки на сходах, но не жалуются. Сходы и приговоры зачастую не

³¹ Новоселов А. Е. У старообрядцев Алтая. Омск, 1913. С. 12.

³² ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 28, д. 2202, л. 1—2; оп. 29, д. 2086, л. 3; и др.

³³ ГААК, ф. 216, оп. 1, д. 87, л. 33; ГАТО, ф. 170, оп. 5, д. 485, 68 л.

³⁴ Статистический обзор Тобольской губ. за 1897 г. Тобольск, 1898. С. 67.

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 2387, л. 46; Загоскин М. В. Ответы на программу ИРГО... С. 17, 122; Сибирская жизнь. 1899. 2 нояб.

³⁶ Восточное обозрение. 1902. 11 янв.

полны и не законны. Брань на сходе и пьянство — явление обыкновенное; бывают и драки»³⁷. Ярким примером «загнивания» общинной жизни является также деятельность волостных судов.

При решении семейных дел волостные суды должны были руководствоваться «местными обычаями и правилами, принятыми в крестьянском быту»³⁸. Но местные обычаи никем не кодифицировались и сильно разложились, в одной местности часто существовали обычаи, противоречащие друг другу, в решения судов вмешивались чиновники. Поэтому волостные суды на практике выносили решения, в лучшем случае «применяясь к лицам и обстоятельствам», либо на основе гражданского законодательства. В худшем же случае и, судя по источникам, очень часто они действовали совершенно произвольно, под диктовку «грамотея»-писаря, за бутылку водки, под влиянием родства и кумовства, под давлением местного кулака-миroeда, заинтересованного в благоприятном для него решении дела³⁹. «Бессудность» отношений в рамках всей общины облегчала экономическое и правовое господство кулака в деревне. В неопределенности юридического положения членов семьи, в «бессудности» семейных отношений крылись широкие возможности для произвола домохозяина по отношению к членам семьи и двора, мужа по отношению к жене, родителей к детям⁴⁰.

Весьма противоречивое влияние на семейные отношения крестьян оказывала политика церковных властей. Они пытались противостоять выходу подрастающего поколения из-под религиозного контроля, а также, надо отдать им должное, процессу ослабления семейных связей. Для этого использовались проповеди и беседы священников. Во время церемонии бракосочетания священникам рекомендовалось «обращаться к брачующимся со словами назидания и выяснять все величие и значение этого таинства, а равно убеждать воздерживаться от пьянства и разгула, которыми, обычно, в деревне сопровождаются браки»⁴¹. Производились «пастырские увещевания» супругов, имевших намерение добиваться развода. Особое внимание церковникам рекомендовалось обращать на общение с крестьянами вне служебных чтений и собеседований, непосредственно в домах прихожан⁴².

Однако подобные благие рекомендации чаще всего оставались на бумаге. В сибирской деревне, по признанию даже самих церковных властей, их влияние на крестьян в области

³⁷ Загоскин М. В. Ответы на программу ИРГО... С. 112—113.

³⁸ Леонтьев А. А. Крестьянское право. С. 105.

³⁹ См.: Загоскин М. В. Ответы на программу ИРГО... С. II; Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1904. Т. 56. С. 229; и др.

⁴⁰ ГААК, ф. 178, оп. 1, д. 12, л. 7; ф. 184, оп. 1, д. 216, л. 79; ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 28, д. 2001, л. 50; д. 2004, л. 20—21; оп. 29, д. 2202, л. 254—255; Сибирские сказы, предания и легенды / Сост. А. Мисюров. Новосибирск, 1959. С. 124—125; и др.

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 2580, л. 18—19.

⁴² Там же, д. 2121, л. 81—82, 92.

общественной нравственности и семейного быта, как и в предшествующий период⁴³, оставалось сравнительно слабым. Нравственный облик самих членов церковного причта часто негативно оценивался «паствой».

Сильнее других проявлений церковной политики на состоянии крестьянской семьи сказывалась чрезвычайная затрудненность формальных разводов. Даже в тех редких случаях, когда «законные причины» к разводу имелись, бракоразводные процессы были очень долгими и разорительными. В качестве примера назовем дела по Иркутской духовной консистории. В 1903 г. еще не были решены дела о разводе крестьян Киренского уезда супругов Черкашиных (возбуждено в 1895 г.) и Березовских (велось с 1896 г.)⁴⁴. В 1917 г. исполнилось десять лет с момента возбуждения бракоразводного дела крестьянкой Балаганского уезда Акилиной Пономаревой⁴⁵. Крайняя затрудненность развода, по признанию обер-прокурора Синода, бывала «поводом к вступлению ... до окончания бракоразводного дела во второй («невенчанный», гражданский. — В. 3.) брак»⁴⁶ и была на практике одной из причин, способствовавших «загниванию» семьи, обострению конфликтов между людьми, насильно связанными друг с другом.

Выше мы говорили о факторах «двойственного» влияния на крестьянскую семью. Но при империализме действовал и ряд факторов, совершенно однозначно ослаблявших последнюю. Низкий жизненный уровень и плохое «качество жизни», обнищание широких слоев крестьянства дореволюционной России отнимали жизненную перспективу, уничтожали чувство защищенности, которое обычно дает семья. Тяжелый труд и безысходная нищета приводили к психологическим стрессам, депрессиям, которые отрицательно сказывались на семейных отношениях.

На сфере внутрисемейных отношений сказывался и произвол кулаков, державших в кабале односельчан. В промысловых районах Сибири торговцы — скупщики пушнины и рыбы — приезжали в деревню «как средневековые сеньоры в свое ленное владение и первым делом собирали молодых баб и девушек на вечерку и устраивали оргию»⁴⁷. Местная молодежь из богатеев старалась подражать «ухарям-купцам» в их кутежах и неприкрытом разврате⁴⁸.

Пьянство в деревне, одна из важнейших причин разрушения семьи, было в первую оче-

⁴³ См.: Миненко Н. А. Русская крестьянская семья... С. 307.

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 73, II отд., 3 ст., д. 290, л. 1—25.

⁴⁵ Там же, оп. 85, II отд., 3 ст., д. 450, л. 14.

⁴⁶ Там же, оп. 73, II отд., 3 ст., д. 290, л. 23.

⁴⁷ Птицын В. В. Очерки народной жизни на р. Лене // Вестник Европы. 1893. № 11. С. 96.

⁴⁸ ГАИО, ф. 609, оп. 1, д. 62, л. 3; Ткаченко М. Рыбный и пушной промысел в д. Подволочной Киренского уезда Иркутской губ. // Известия Иркутского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Иркутск, 1917. Т. 1. С. 91—97; Скорняков Н. В. Приангарский край в этнографическом отношении // Сибирский наблюдатель. 1902. Кн. 1. С. 1—7; и др.

редь средством «находить уладу в своем сером житье-бытье и некоторое, хотя бы призрачное и кратковременное, забвение тягостей своей трудовой и нередко полной лишений жизни»⁴⁹. Пьянство фактически поддерживалось казной: доходы ее от винокурения в Сибири с каждым годом повышались⁵⁰. Когда в 1909 г. Главное управление землеустройства и земледелия «в качестве временной меры» все же предложило управляющим акцизными сборами сибирских губерний и областей не открывать в переселенческих поселках новых казенных винных лавок, закрыть старые (по окончании сроков аренды помещений) и не возобновлять винных откупов, то эта половинчатая мера была сведена на нет усилиями деревенских «воротил»-богатеев, развернувших густую сеть тайных кабаков⁵¹. Не принесло в конечном счете весомых результатов и полное запрещение продажи крепких напитков в стране, введенное в 1914 г. с началом Первой мировой войны. Сибирские крестьяне открыто говорили, что «полицейские самосидчиков (тайных винокуров. — В. З.) прикрывают и сами самосидку пьют, потому и не могут с этим злом справиться»⁵².

Безусловно, фактором, дезорганизуящим общину и семью, было отсутствие настоящего просвещения деревни, правильно поставленного ее культурного развития. Влияние развивающегося капитализма, более широкие связи с внешним миром революционизировали сознание крестьян, особенно бедняцкой молодежи, вызывали сначала сомнения в правильности отживших свой век норм отношений, а затем протест против них. Некоторые нащупывали верный выход, начинали активно участвовать в классовой борьбе, строить равноправные отношения в семье. Но большинству не хватало для этого, в частности, широты взглядов, культуры. По словам исследователя А. М. Селищева, даже в наиболее консервативных старообрядческих селах Забайкалья в начале XX в. молодежь, «хотя и бессознательно, ищет обновления, жаждет новой, свежей струи в душной атмосфере... Ищет и не находит... Выход молодежь нашла бы — в школе, в образовании. Этого нет, молодежь пьянствует, хулиганствует...»⁵³.

Характеризуя признаки ослабления и разложения семейных связей в сибирской деревне периода империализма, назовем прежде всего некоторые особенности усиленного распада, частых разделов крестьянских семей. Следует оговориться, что семейные разделы сами по себе не обязательно являются выражением семейной дезорганизации. Они имели место и в предшествующий период, будучи обусловлены прежде всего экономико-демографическими причинами. Делились чрезмерно разросшиеся семьи, и тем самым

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 442, д. 2638, л. 29—30.

⁵⁰ Там же, ф. 1284, оп. 194, д. 72, л. 4; д. 98, л. 3.

⁵¹ Там же, ф. 391, оп. 5, д. 1578, л. 1, 9.

⁵² Там же, ф. 796, оп. 442, д. 2766, л. 77.

⁵³ Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы (семейские). Иркутск, 1920. С. 17.

поддерживалась их оптимальная для хозяйственной жизни людность. Ускорение семейных разделов при капитализме само по себе тоже не являлось проявлением дезорганизации. Оно было вызвано, главным образом, тем, что крупная неразделенная семья «перестает быть обусловленной экономической необходимостью и изживает себя, причем развитие производительных сил дает место и позволяет существовать группе меньшей численности»⁵⁴.

Но в конкретных условиях капиталистической деревни Сибири потребность в крупной семейной ячейке для ведения хозяйства еще не вполне изжила себя, в среде же кулачества она даже повышалась, ведь «семейная кооперация» была базисом для развития капиталистической кооперации⁵⁵. Обращает на себя внимание тот факт, что делились чаще всего не крупные зажиточные семьи, а и без того небольшие семьи мелкого крестьянства и полупролетариата⁵⁶. Видимо, в тот переходный период, когда экономические условия не вполне еще уничтожили необходимость в крупных семьях и не создали прочной базы для хозяйства, ведущегося на «несемейной» основе, усиленные семейные разделы имели какие-то дополнительные причины. Одной из таких причин, по нашему мнению, был наметившийся процесс дезорганизации семьи.

С установлением частнособственнического начала в семье, системы внутрисемейной эксплуатации увеличилось количество «несогласий, «смутки» между членами семей. Не ладили между собой прежде всего женщины, что являлось отражением наиболее приниженного, бесправного положения одних (невестки, снохи, «молодухи») и произвольной власти в сфере домашнего хозяйства других («хозяйки», «большухи»). Но напряженность охватывала отношения и всех остальных членов семьи. Они ссорились и затем делились «из-за заработков», «из-за нежелания сына кормить детей мачехи», «не поделив пособия», «по причине бедности, когда каждый кусок хлеба идет в счет, и вопрос, кто на кого работает, становится неисчерпаемым источником ссор», вследствие «постоянных споров из-за того, кто больше работает, кто других кормит и т. п.»⁵⁷. Ссоры членов семей отражали то кризисное состояние, которое создавалось в постепенно разоряющейся мелкобуржуазной семье.

Вторым проявлением семейной дезорганизации в сибирской деревне изучаемого периода было значительное распространение внебрачных связей мужчин и женщин.

Что касается добрачных связей, то в крестьянской среде они бытовали задолго до этого.

⁵⁴ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 71—72.

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 346—347; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 84, 99; Т. 17. С. 107.

⁵⁶ См.: Зверев В. А. Изменения образа жизни крестьянства в ходе земледельческого освоения Сибири при капитализме // Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVII — начало XX в.). Новосибирск, 1985. С. 100.

⁵⁷ Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губ. Тобольск, 1898. С. 5, 17, 26, 62, 79, 87, 95, 119, 163, 174, 177, 182, 216, 232, 247, 251, 254; Маслоков Н. О поездке по волостям Томской губ. // Этнографическое обозрение. 1899. № 1/2. С. 401—402; и др.

Можно согласиться с исследователем И. Я. Неклепаевым, который объяснял широкое распространение в Сургутском округе Тобольской губернии добрачных связей у молодых и терпимое к ним отношение взрослых крестьян тем, что браки совершались больше по хозяйственным соображениям, и это «приучило молодежь свои сердечные стремления удовлетворять в добрачных отношениях, а на брак смотреть холодно и индифферентно, как на чуждое для себя дело и почти как на неизбежное зло — потерю воли с той и другой стороны»⁵⁸.

После вступления в брак при таких обстоятельствах возникала ситуация, имеющая уже прямое отношение к семейной дезорганизации. Поскольку половая любовь не могла реализоваться в любви супружеской, она иногда находила выражение в постоянной привязанности вне семьи или чаще «в мимолетных связях с девушками и замужними женщинами, особенно в летнее время, когда мужья уходят на прииски или полевые работы»⁵⁹. О распространенности явления свидетельствует развитая терминология. Женщины-любовницы у сибирских крестьян назывались «сударка», «шашка», «гулеванка», «накладушка», «милка», «полюбовница», «кучишная»; мужчины, соответственно, — «полюбовник», «милаш (миляш)», «сударчик», «хахаль»⁶⁰.

Для некоторой части семей в сибирских деревнях становились возможными отношения, подобные отношениям, вскрывшимся в ходе судебного разбирательства в семье крестьян Ломаевых в д. Марзагуль Покровской волости Барнаульского уезда Томской губернии. Дело велось в связи с заявлением Евдокии Ломаевой о том, что ее дочь Агафью, 13 лет, изнасиловал крестьянский сын Василий Пшеничников с помощью Трифона и Милодоры Васильевых. Всем обвиняемым было 13—15 лет. Деревенский староста показал, что потерпевшая как на насильника указывала на своего отца и говорила, что мать ее принуждала к сожительству со своим любовником. Мать характеризовалась старостой как «развратная баба, живет в связи с Анисимом Евстратовым и, кроме этого, развратничает на стороне»⁶¹.

Внебрачные связи в среде зажиточных крестьян приобретали специфическую для капитализма форму, когда на связь с хозяевами вынуждались наемные работницы, батрачки⁶². В ряде мест соительство с батрачкой ее хозяина, особенно холостого, стало считаться даже

⁵⁸ Неклепаев И. И. Поверья и обычаи Сургутского края // Записки ЗСОРГО. 1903. Кн. 3. С. 143.

⁵⁹ Восточное обозрение. 1902. 11 янв.

⁶⁰ Ануцин В. И. Материалы к областному словарю сибирского наречия // Известия Красноярского подотдела ВСОРГО. Красноярск, 1904. Т. 1. Вып. 6. С. 53, 55, 67; Лопарев Х. М. Самарово: село Тобольской губ. и округа. 2-е изд. СПб., 1896. С. 227; Молотиллов А. Говор русского старожилого населения Северной Барабы // Труды Томского общества изучения Сибири. Томск, 1913. Т. 2. Вып. 1. С. 172, 191, 204; и др.

⁶¹ ГАТО, ф. 515, оп. 1, д. 3, л. 1—44.

⁶² ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 28, д. 1434, л. 26; Патканов С. К. По Демьянке // Записки ЗСОРГО. 1894. Кн. 16. Вып. 2/3. С. 55; Сибирская жизнь. 1914. 9 янв.; и др.

обычным, рядовым явлением. Крестьянин Филимон Хмара, обвиненный женой в сожителстве с крестьянкой Калугиной, писал в 1910 г. в Тобольскую духовную консисторию об одном из свидетелей: «Нюхлов, у которого жила Калугина в работницах, в то время был холост и, по всей вероятности, *по существующему в крестьянском быту обычаю* едва ли сам не имел с ней любовную связь» (курсив мой. — В. З.)⁶³. Одно из значений слова «прачка» в Енисейском уезде в это время — «любовница»⁶⁴. Парни, имевшие возможность выбирать невесту, старались избежать женитьбы на девушках, живших ранее в чужих дворах в «стряпках» и «няньках»⁶⁵.

Существовала в сибирских деревнях и такая форма внебрачных связей, как проституция. Об этом свидетельствуют источники самого различного происхождения⁶⁶. Сильнее всего проституция была развита в больших трактовых и торговых селах, в пригородной зоне, вблизи приисков и в местах уголовной ссылки. Так, в с. Александровском Иркутской губернии, известном своей каторжной тюрьмой, по словам корреспондента газеты «Енисей», «почти в каждом доме ... вы найдете ... тайный притон разврата с богатым рассадником сифилиса и его последствий»⁶⁷. В некоторых селах Алтая в начале XX в. образовались целые концы, заселенные «отходками» и «брошенками» (женщинами, ушедшими от мужей или брошенными ими). Эти женщины ходили на заработки в другие местности, поступали к своим односельчанам в «стряпки» и занимались проституцией⁶⁸.

К сожалению, достоверных количественных данных о распространении этого зла в сибирской деревне при капитализме не существует. Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. зарегистрировала в сельской местности Сибири и Дальнего Востока двоих мужчин и 233 женщины, «самостоятельно» занимавшихся проституцией. Большая часть из них была бессемейными одиночками, так как в качестве «членов промысловых семей» при них зарегистрировано только 30 лиц мужского и 55 женского пола⁶⁹. Но перепись не могла, конечно, осветить тайную проституцию, а последняя преобладала. «Женщины вольного поведения» фиксировались волостными правлениями по требованию губернских властей, но эта регистрация тоже была заведомо неполной в силу специфики «промысла». В то же время

⁶³ ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 29, д. 2070, л. 77.

⁶⁴ См.: *Арефьев В. С.* Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губ. // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1902. Т. 32. № 1/2. С. 95.

⁶⁵ *Загоскин М. В.* Ответы на программу ИРГО... С. 12.

⁶⁶ См.: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1892. Вып. 14. С. 80; Материалы по исследованию... Т. 2. Вып. 2. С. 258; *Латкин Н. В.* Красноярский округ... С. 46; *Швецова М. А. В.* Из поездки в Риддерский край // Записки ЗСОРГО. 1898. Кн. 25. С. 12; и др.

⁶⁷ Енисей. 1898. 27 марта.

⁶⁸ Бухтарминские старообрядцы / Ред. С. И. Руденко. Л., 1930. С. 22.

⁶⁹ Общий свод по империи результатов разработки Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. СПб., 1905. Т. 2. С. 300.

волостные писари часто вносили в соответствующие списки всех женщин, живших с мужем невенчанными, в гражданском браке⁷⁰. Сведения волостных правлений доставлялись врачам и губернским властям нерегулярно и крайне неполно. Поэтому авторы медицинского отчета по Томской губернии за 1897 г. констатировали, что «тайная проституция существует не только в городах ... но и в округах», но насколько она развита в округах (в сельской местности), «приблизительно даже заключения дать нельзя»⁷¹.

Распространению проституции способствовали специфические условия эксплуататорского общества. Женщины становились жертвами промыслового сводничества, вынуждались на этот вид заработков крайней нищетой или невозможностью найти работу, особенно в неурожайные годы⁷².

Несомненными проявлениями дезорганизации общины и семьи были растущие «дерзость и своеволие» молодежи, неуважение к старшим с ее стороны, что перерастало порой в прямое хулиганство. Зачатки этого явления в виде «сыновнего эгоизма» Н. А. Миненко отметила уже применительно к концу периода феодализма⁷³. В конце XIX — начале XX в. оно приобрело гораздо более зрелые формы. Крестьянский начальник 1-го участка Иркутского уезда отмечал в 1912 г.: «Молодежь озорничала всегда, но то были понятные, необдуманные выходки, получавшие возмездие по первой жалобе родителям; такого же неудержимого, бесшабашного разгула и преступной распущенности, какая наблюдается в деревне в настоящее время, как положительно утверждают все старожилы, еще в недавнее, сравнительно, время не было»⁷⁴. В том же году другие крестьянские начальники, многие сельские сходы и волостные правления Иркутской губернии констатировали: «... старики и почтенные люди деревни говорят, что “молодытник совсем вышел из повиновения и творит, что ему угодно”»⁷⁵. Подводя итог их высказываниям, общее присутствие губернского управления по крестьянскому отделению пришло к выводу, что «появилось хулиганство молодежи в сельских местностях лет 10—15 назад. Уменьшения его не замечается»⁷⁶.

В Западной Сибири в это время зафиксирована поговорка: «С дитёнком водишься — “Не убейся”, выросло — “Не убей-ка”»⁷⁷. Таково было положение не только в Сибири, но и в других регионах страны. В 1912—1914 гг. в связи с «сильно развившимся за последнее время

⁷⁰ ГАТО, ф. 234, оп. 1, д. 201, л. 100—101.

⁷¹ Там же, л. 102.

⁷² См.: ТФ ГАТО, ф. 156, оп. 28, д. 2022, л. 1; ЦГИА СССР, ф. 1482, оп. 1, д. 19, л. 22; Материалы по исследованию... Т. 2. Вып. 2. С. 258.

⁷³ См.: Миненко Н. А. Русская крестьянская семья... С. 156, 306.

⁷⁴ ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 137, л. 12.

⁷⁵ Там же, л. 17.

⁷⁶ Там же, л. 138.

⁷⁷ Ивановский В. Пословицы и поговорки, записанные в Тобольской губ. // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1905. Вып. 15. С. 27. Вариант этой поговорки см.: АИЭ, ф. ОЛЕАЭ, д. 299, л. 38.

в сельских местностях особом виде озорничества, известном под названием хулиганства, которое, в связи с наблюдающейся среди молодежи распущенностью, делает ... жизнь в деревне невозможною», совместными усилиями Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и Государственной думы было подготовлено новое законодательство «Об усилении ответственности за хулиганство». В нем предусматривалось, в частности, для предотвращения дальнейшего распада семейных связей усиление ответственности за действия молодежи, направленные против имущества и личных прав родителей и других старших родственников⁷⁸.

Нами анализировались подготовительные к этому законодательству материалы по Иркутской губернии, а также подготовительные материалы к законодательству об усилении борьбы с пьянством по Тобольской губернии. Оба акта готовились почти одновременно. Документы показывают, что во многих местах крестьяне были бы не прочь восстановить в полной мере такие «старопрежние», «досельные» порядки, когда молодежь находилась под строгим домашним и общественным контролем, но видели чрезвычайную трудность этого дела. Так, Снегиревское сельское общество Армизонской волости Ишимского уезда Тобольской губернии постановило, что нужно «на полном сельском сходе давать строгие внушения отцам пьянствующей молодежи ... чтобы принимали меры воспрепятствовать своим сыновьям, а в противном случае призывать на сельский сход и самую молодежь для обличения ... но одному сельскому старосте принимать меры ... невозможно ввиду того, что молодежь питает большую злобу на старосту, но если воспрепятствовать полным сельским сходом и дружно, то со стороны их злобы никакой не будет»⁷⁹.

Преступность, пьянство и хулиганство молодежи, выходящей из-под семейного и общественного контроля, весьма явно были связаны с процессом социального разложения крестьянства. В Иркутской губернии, например, по свидетельству переселенческих властей, хулиганили преимущественно молодые «из среды состоятельных крестьянских семейств, это ... объясняется уверенностью избежать, благодаря влияниям и средствам, наказания по суду и вообще неприятных последствий». На другом полюсе деревни, «среди бесхозяйственной и малосостоятельной молодежи, побывавшей на отхожих заработках в городах, горных промыслах, заводах и т. п.», также встречались нарушители семейного порядка и деревенского «благочиния»⁸⁰.

По признанию властей и самих крестьян, общественный и родительский авторитет ослаб и даже «утратил свое значение», главным образом, в «селениях крупных, лежащих по линии железной дороги, больших притрактовых и с значительным развитием торго-

⁷⁸ ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 137, л. 158.

⁷⁹ ТФ ГАТО, ф. 335, оп. 1, д. 11, л. 62.

промышленных предприятий», в пригородных местностях, вблизи приисков и каменно-угольных копей. В глухих же местах, где еще были сильны остатки патриархальных черт жизни, традиционный авторитет старших и послушание молодых в семье и обществе сохранились лучше⁸¹.

Разумеется, наблюдавшееся ослабление традиционного авторитаризма деревенских «стариков» и произвола отцовской и «мужниной» власти, возрастание значения и авторитета женщин, молодых людей, при условии сохранения и повышения роли супружеской любви и любви детей к родителям, истинного авторитета старших способствовало улучшению внутрисемейных отношений в сибирской деревне, было проявлением наметившейся прогрессивной реорганизации семьи. Но тяжелые социально-экономические и правовые условия, вмешательство в общественную и семейную жизнь крестьянства с реакционными целями или заскоружными методами светских и духовных властей, низкий уровень культуры деревни затрудняли поиски новых форм отношений, зачастую придавали эмансипации женщин и молодежи уродливые формы.

Как показывают сибирские материалы, дезорганизующие тенденции в семье и общине так же, как и в более крупных социальных ячейках, обществе в целом, складываясь при капитализме постепенно, выпукло предстали в период империализма и какое-то время, безусловно, должны были сказываться после социалистической революции в России. В. И. Ленин считал их одним из проявлений гибели капиталистической системы, симптомом ее агонии⁸². Не будучи, конечно, преобладающими в жизни сибирской деревни конца XIX — начала XX в., эти тенденции все же существенно затрудняли нормальное функционирование семьи и жизнь всего деревенского сообщества. Складывалась объективная необходимость принятия действенных мер по оздоровлению первичных социальных ячеек, и эта задача могла последовательно решаться лишь в контексте глубоких преобразований всей общественно-экономической, политико-правовой и культурной ситуации в стране и, в частности, на ее восточных окраинах.

⁸⁰ ГАИО, ф. 32, оп. 4, д. 137, л. 13, 21, 63.

⁸¹ Там же, л. 12, 19, 21, 28, 82—83, 119.

⁸² *Цеткин К.* Из записной книжки // Воспоминания о В. И. Ленине. 2-е изд. М., 1979. Т. 5. С. 44.